

Е. В. Соколова

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

В ОТРАЖЕНИЯХ ДВУХ ДИСКУРСОВ: СМИ И «ВЫСОКАЯ ЛИТЕРАТУРА» О ПЕТЕРЕ ХАНДКЕ

В статье исследуется реакция СМИ на присуждение Нобелевской премии по литературе в 2019 г. австрийскому писателю Петеру Хандке (р. 1942). На примерах выявляются некоторые практики, к которым прибегают авторы и редакторы публикаций, конструируя «образ писателя» (через выбор ракурсов и контекстов, отбор материала, способы цитирования) и обнаруживая при этом стремление воздействовать на читателя прежде всего эмоционально, склонить к «справедливому» (о)суждению. Впрочем, после того как описанная стратегия мгновенно вышла на максимумы эмоционального накала из-за «благодарственной речи» Саши Станишича на Франкфуртский книжной ярмарке, в публикациях авторитетных немецких изданий заметен интонационный сдвиг в сторону аналитичности, большей эмоциональной отстраненности. Действительно «противоположные» подходы к восприятию и репрезентации личности и творчества Петера Хандке представлены на материале эссеистики немецкоязычного писателя и литературоведа В. Г. Зебальда (1944-2001). Еще в 1980-е гг. он написал три текста — о «Страхе вратаря перед одиннадцатиметровым» (1970) (Sebald 1994b), «Медленном возвращении домой» (1979) (Sebald 1994a) и о «Повторении» (1986) (Sebald 1995b). В центре «литературной вселенной» Хандке В. Г. Зебальд тогда уже увидел «нарушенную коммуникацию» (Sebald 1994b: 117), которая, оставаясь одной из главных тем писателя на протяжении всего творчества, во многом определяет его писательский стиль; и, как явствует из первой части статьи, воздействует также на его реальность.

Ключевые слова: современная немецкоязычная литература; современная литература Австрии; нарушенная коммуникация; языковой скептицизм; Нобелевская премия по литературе; Петер Хандке; В. Г. Зебальд

1. Введение

10 декабря 2019 г. в Стокгольме присужденную ему Нобелевскую премию по литературе принял из рук короля Швеции Карла XVI Густава австрийский писатель Петер Хандке (р. 1942) — «несмотря на протест Албании, Косово и Турции», как передало тогда же информационное агентство Regnum. Иными словами, событие сопровождалось скандалом международного масштаба. Впрочем, в последние годы почти каждое объявление

лауреата Нобелевской премии в области литературы связано со скандалом. Так что, особенностью ситуации, связанной с присуждением Нобелевской премии Петеру Хандке, нам представляется не скандал как таковой, и даже не международный его масштаб (что вообще-то бывает нечасто), а скорее, тот комплекс проблем, которые были вынесены им на поверхность из глубин «коллективного бессознательного», и тем самым предложены к осознанию.

2. Характеристика материала и методов исследования

В центре проблем — «полное взаимонепонимание». Иными словами, та самая «нарушенная коммуникация» («verhinderte Kommunikation» [Sebald 1994b: 117]), которую В. Г. Зебальд обнаруживает в центре творчества Хандке, начиная со знаменитого «Страха вратаря перед одиннадцатиметровым» (1970) (Хандке 1980: 21-97), на самых разных уровнях. Недостаточность и неточность словесного выражения, ошибки и искажения интерпретации происходящего или сказанного, которые принимаются за новые точки отсчета в последующих актах коммуникации, тем самым в геометрической прогрессии умножая непонимание и лавинообразно наращивая число коммуникативных цепочек, транслирующих глупость или ложь.

Изъяны коммуникации неизбежны, убеждается неизменно сам Хандке в процессе «становления писателем»: и между людьми («Страх вратаря перед одиннадцатиметровым» [Хандке 1980: 21-97]), и между человеком и социумом («Нет желаний — нет счастья» [Хандке 1980: 229-279]), человеком и природой («Медленное возвращение домой» [Handke 1979]). Но действительно всеобъемлющих масштабов непонимание достигает тогда, когда за ретрансляцию «фактов» и «мнений» принимаются СМИ, проявляя поспешность, некомпетентность, тенденциозность. Так, по его мнению, было при освещении войны на Балканах в 1990-е гг., при интерпретации многих событий и эпизодов его собственной жизни как знаменитого писателя, его высказываний. Противостоять этому едва ли возможно, но, если вдруг и удастся, то под силу подобное только писателю — при условии личного знакомства с фактами и обстоятельствами («Зимнее путешествие...» [Handke 1996a]), через сосредоточенную кропотливую работу по выбору верных и точных слов («Повторение» [Handke 1986]).

3. СМИ vs «Высокая литература»

В неизбежном информационном хаосе (по Хандке, едва ли не повсеместном) два обсуждаемых дискурса — СМИ (с их ориентацией на оперативность и «горячие» темы) и «высокая литература» (в идеале нацеленная на неспешную, тонкую, работу со смыслом и словом) — действуют по-разному. И их реакция на писателя и человека Петера Хандке, его литературный труд, мировоззренческую позицию и соответствующие поступки также различна. «Образ действий» СМИ далее представляет реакция авторитетных немецких изданий («Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Spiegel», «Der Freitag») на присуждение Хандке Нобелевской премии в октябре 2019 г., а от имени «высокой литературы» высказывается немецкий писатель и литературовед В. Г. Зебальд (1944-2001). В 1980-х и 1990 г. он посвятил Петеру Хандке несколько эссе (Sebald 1994c; 1994b; 1995b), в которых проанализировал тонкие нюансы отношений писателя со словом, отметил «поразительную осмотрительность и точность» (Sebald 1995b: 178) в выборе слов и причислил некоторые пассажи к «самым прекрасным текстам немецкоязычной литературы последних десятилетий» (Sebald 1995b: 171).

Присуждение Нобелевской премии Петеру Хандке предсказуемым образом выплеснуло на страницы актуальной немецкой прессы все прошлые претензии к нему, которые всегда были многочисленны. На протяжении почти четверти века ядро их составляли обвинения в выборе «неприемлемой» позиции в югославском конфликте второй половины 1990-х гг.: в чрезмерных симпатиях к Сербии, поддержке диктатора (Слободана Милошевича), контактах с сербскими боевиками. В середине 1990-х гг. Петер Хандке лично посетил Балканы, чтобы составить независимое мнение о ситуации в распадавшейся Югославии (картина, представленная политическими обозревателями в газетах Европы и США, казалась ему однобокой [Gladić 2019]). Свои наблюдения он собрал в нашумевшем тексте «Зимнее путешествие к рекам Дунай, Сава, Морава и Дрина, или Справедливость к Сербии», впервые опубликованном как репортаж с продолжением в двух последовательных выпусках газеты «Süddeutsche Zeitung», а затем изданном отдельной книгой (Handke 1996a). Этот текст вместе с последовавшим разъяснением («Летнее дополнение к зимнему путешествию» [Handke 1996b]) продолжал вызывать

неизменно острую реакцию европейской культурной общественности, всплывая вновь по каждому информационному поводу — чаще всего в связи с присуждением Петеру Хандке очередных литературных премий. Очередная буря в прессе разразилась после того, как Хандке посетил похороны Слободана Милошевича в 2006 г. и выступил на них с речью.

Типичную реакцию прессы на присуждение Хандке Нобелевской премии отражает публикация Й. Клаубе на первой полосе «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (Klaube 2019) с незатейливым заголовком «Хандке», довольно точно передающим пренебрежительное отношение немецкой культурной общественности к новому нобелевскому лауреату.

Порассуждав о том, что сегодня за Нобелевской премией по литературе сохранилась, по сути, единственная функция — способствовать всемирной славе лауреата, а значит, быстрому распространению его текстов по всему миру, — автор выражает тревогу в связи с тем, что теперь повсюду распространяться будут тексты Петера Хандке, содержащие совершенно неприемлемые политические воззрения (Klaube 2019). Далее, взяв себя в руки и пытаясь успокоить читателей, Клаубе приводит длинный перечень «опасных» нобелеатов прошлого: от убежденного сторонника колониализма Редьярда Киплинга (1907), сооснователя в прошлом «Общества расовой гигиены» Герхарда Гауптмана (1912), известного своей приверженностью евгенике Джорджа Бернарда Шоу (1925) до Томаса Манна (1929) и Анри Бергсона (1927), с энтузиазмом встретивших начало Первой мировой войны; Т. С. Элиота (1948), одобрявшего действия фашистов во Франции, сторонника Сталина Михаила Шолохова (1965) и Габриэля Гарсиа Маркеса (1982), симпатизировавшего Кастро. Поскольку ни «Пигмалион» и «Будденброки», ни «Пустая земля», ни даже «Сто лет одиночества» особенного ущерба как будто не нанесли, Й. Клаубе, успокоившись, изумляется даже: «Как нам приходит в голову, что писатель обязан быть приятным человеком, его жизнь — образцовой, а взгляды не вызывающими возражений?» (Klaube 2019). Казалось бы, теперь следует ожидать, что и Петеру Хандке будет позволено высказываться иногда полемически и вести себя вызывающе. Но не тут-то было — слишком уж «страшной силой» представляется Й. Клаубе искусство. А поскольку «к автору повести “Нет желаний — нет счастья”, пере-

водчику “Прометея прикованного”, автору сценария фильма “Небо над Берлином” непременно прислушаются, за «ненадлежащим образом использованное пространство», созданное, надо заметить, им же самим, писателя ждет неминуемая расплата: «каждое сказанное глупое слово, вернется к нему!» (Klaube 2019).

Риторика в СМИ несколько изменилась после 17 октября 2019 г., когда в рамках Франкфуртской книжной ярмарки объявили лауреата другой престижной в Германии литературной премии — «Немецкой книжной премии», ежегодно присуждаемой немецкоязычным писателям. В 2019 г. им стал писатель сербско-боснийского происхождения Саша Станишич (р. 1978). Станишич (в четырнадцатилетнем возрасте переживший бегство из боснийского Вишеграда от преследований просербских властей), выйдя к микрофону для традиционной благодарственной речи, сразу бросился в атаку: “Я потрясен, что за такое дают Премию!”, — воскликнул он, подразумевая тексты Хандке. Вся его речь звучала как обвинение в адрес последнего» (цит. по: [Mann gegen Mann 2019]). Редакторы отдела культуры «Spiegel» были шокированы («Как возможно, чтобы один лауреат нападал на другого лауреата, да еще в таком тоне?» [Mann gegen Mann 2019: 114]) и потому посчитали необходимым в ситуации разобратся. Действительно, их статья обнаруживает другой уровень владения литературным и фактическим материалом по сравнению с публикациями «первой волны», хотя по-прежнему исходит из «вины Хандке».

Поскольку скандальная речь Станишича прозвучала на Франкфуртской книжной ярмарке (главном литературном событии года в Германии), «культурная индустрия» и СМИ отреагировали мгновенно. Все заметные фигуры были незамедлительно опрошены журналистами по горячей теме: о конфликте двух лауреатов. Лишь некоторые предпочли осторожно высказаться в том смысле, что лично они категорически против присуждения (или не присуждения) премий по политическим мотивам (О. Руге, Н. Боссон), многие с готовностью заявили, что в мире есть куда более достойные кандидаты на Нобелевку, чем нынешний лауреат (С. Странгер). Среди единиц, не рукоплескавших Станишичу, оказался издатель Йохен Юнг, который подчеркнул, что «нам вообще свойственно думать, будто мы все знаем, и судить, исходя из этого», «в то время как именно Петер Хандке

учит смотреть на действительность всегда новым, незамутненным, взглядом и находить для нее все новые и новые слова» (цит. по: [Mann gegen Mann 2019: 114]).

На приеме, устроенном в рамках Книжной ярмарки издательством «Зуркамп» по случаю присуждения их автору Нобелевской премии, сам Петер Хандке отсутствовал, а звездой номер один стал пришедший несколько позднее Станишич. И хотя сам он к тому моменту опомнился и от дальнейших высказываний о Петере Хандке отказался, поднятый им информационный вихрь было уже не остановить: ажиотаж в прессе вышел на новый виток, причем обсуждались по-прежнему не литературные качества текстов Хандке, а его чрезмерная «справедливость к Сербии», речь на похоронах Милошевича, встречи с Радованом Караджичем и прочие социально не одобряемые высказывания и поступки.

Была, например, растиражирована приписываемая Хандке «цитата» буквально следующего содержания: «А ваши трупы можете засунуть себе в ...» («Sie können sich Ihre Leichen in den Arsch stecken» [Hammelehle, Markwaldt 2019: 116]). Первым на этот раз ее «вспомнил» американский журналист боснийского происхождения Александр Химон, затем немецкоязычная писательница Ягода Маринич охарактеризовала его нового нобелеата в своем твиттере. Шокирующая фраза вновь побудила журналистов «Spiegel» расследовать ее происхождение и подлинность как цитаты Хандке (Hammelehle, Markwaldt 2019). Самый ранний след авторы статьи обнаружили в газете «Irish times» в апреле 1999 г. Ирландская газета цитировала Хандке по-английски, но, поскольку никакие англоязычные источники не были упомянуты, авторы обоснованно предположили, что речь идет о переводе с немецкого. В поисках «немецкого оригинала» вышли на опубликованную незадолго до того статью в газете «Welt am Sonntag» за март 1999 г., где пересказывалась полемика Хандке с австрийским журналистом Г. Неннингом по поводу «необходимости» поездки в Сербию («Зимнее путешествие...» [Handke 1996a]). Названная «цитата» приведена по-немецки, и звучит именно так: «Sie können sich Ihre Leichen in den Arsch stecken». Вскоре фраза всплыла в тогдашней публикации «Spiegel». Автор ее тем временем вышел на пенсию. С ним связались и выяснили, что он лично не слышал названной фразы из уст писателя, а нашел где-то в ар-

живных материалах.

Дальнейшее почти детективное расследование привело авторов статьи в Академический театр г. Вены, где в 1996 г. состоялся авторский вечер писателя, представлявшего свое «Зимнее путешествие...» (Handke 1996a), где выражена, в целом, просербская позиция, которую Хандке и отстаивал тогда перед публикой. В архиве удалось обнаружить газетное сообщение о том вечере. Приведенная там фраза обращена к оппоненту из публики, но звучит совсем по-другому:

«Писатель посоветовал оппоненту, засунуть себе в ... “должную озабоченность” положением дел в Боснии, якобы не обнаруженную им в “Зимнем путешествии...”» (цит. по: [Hammelehle, Markwaldt 2019: 116]).

Авторы публикации даже разыскали запись телетрансляции того вечера в венском театре. Слов Хандке не разобрать, но им удалось вычислить человека, к которому обращается Хандке, и с ним связаться. Журналист Карл Вендль в телефонном разговоре почти сразу вспомнил и охарактеризовал тот эпизод как «типичный для поведения Хандке момент», в котором соединились, с одной стороны, агрессия, с другой, — абсурд, почти шутовство. В ответ на упрек Вендля (в отсутствии «должной озабоченности») Хандке спросил его, действительно ли он верит, что «озабоченность» — подходящее слово для обозначения чувств, лежащих в основе его югославского репортажа? И тут же посоветовал отправиться «со своей озабоченностью» домой и засунуть ее себе в ... «Я на тысячу процентов уверен, — сказал в разговоре К. Вендль, — что ни о каких “трупях” речи вообще не было» (Hammelehle, Markwaldt 2019: 116). Но фраза «уже разошлась по всему миру в миллионах ссылок, и продолжает тиражироваться, чтобы никто не сомневался: новый Нобелевский лауреат — изверг, а не человек. И премии не заслуживает (Hammelehle, Markwaldt 2019: 116), — резюмируют авторы статьи.

Обращая внимание на очевидно «чересчур острую» реакцию СМИ на темы, связанные с войной на Балканах, авторы высказывают предположение, что так, возможно, проявляет себя попадание в одну из «чувствительных точек самосознания» нынешнего Запада. Именно в связи с югославским конфликтом оформлялась и закреплялась та «морально-политическая ли-

ния», которая и сегодня продолжает определять внешнюю политику Запада, хотя с некоторых пор она оказалась «под подозрением» — после Сирии, после Трампа. А под «плетением слов» вокруг Хандке скрывается существующая в обществе потребность обсуждать «возможности отступления» (Mann gegen Mann 2019: 117).

В «Зимнем путешествии...» (Handke 1996a) и в последовавшем за ним «Летнем дополнении...» (Handke 1996b) Хандке, в первую очередь, полемизирует именно со СМИ (Gladić 2019), стремясь показать, что те, кого они называют «хорошими», тоже не «хороши». Ответной реакцией многих интеллектуалов тогда (и теперь) стало стремление сделать «плохим» его самого, что, по мнению авторов (Mann gegen Mann, 2019), несложно. Гораздо проще, во всяком случае, чем прочесть более 600 страниц, написанных Хандке о войне в Югославии, и составить собственное мнение. Однако, переходя по ссылке и присоединяясь к (о)суждению большинства, упускаешь из виду, что

«Хандке — автор сомневающийся и стремящийся к точности, который обстоятельно на многих страницах анализирует собственные сомнения, а одним из его любимых стилистических приемов остается вопрос» (Ibid.: 117).

И наконец, в самом конце октября М. Гладич впервые в немецких СМИ дал обзор всех «югославских текстов» писателя (их всего 6), отыскав большинство прозвучавших публично цитат (и «цитат») и показав, что сомневающийся рассказчик «Зимнего путешествия...» отправился в путь, прежде всего, потому, что осознал одностороннюю направленность и фальшь в сообщениях западноевропейской и американской прессы о балканских событиях (Gladić 2019). И этим действием писатель, по Гладичу, ставит под сомнение журналистский подход как таковой, параллельно в собственном тексте исследуя возможности подхода «противоположного» — писать «из состояния сомнения», «постоянно сомневаясь во всем» (Gladić 2019).

Интересно, что подход Петера Хандке к письму «из состояния сомнения», к писательству как особому способу существования в мире «искаженной коммуникации» еще за 35-40 лет до описанной нобелевской драмы исследовал В. Г. Зебальд (1944-2001), причисляемый ныне к наиболее значимым фигурам европейской

словесности 1990-х гг. (Catling, Hibbitt 2011). В. Г. Зебальд писал о Хандке несколько раз (Sebald 1994a; 1994b; 1995b), сосредоточивая внимание прежде всего на художественном стиле австрийского писателя как выражении его отношения к коммуникативным возможностям языка, к целям и задачам писательства. В «нарушенной коммуникации» («verhinderte Kommunikation» [Sebald 1994b: 117]) Зебальд видел центр художественного мира Хандке, из которого произрастает его необычная, странно многословная, увязающая в подробностях писательская манера. Ни в чем не уверенные, его рассказчики словно все время с трудом подбирают слова и одновременно внимательно следят за тем, как именно они это делают; терпят неудачи, взрываются, совершая необъяснимые поступки; пробуют снова.

Но не состояние непреходящего сомнения, транслируемое рассказчиками Хандке, больше всего удивляет В. Г. Зебальда. Мучительные часто безуспешные поиски точного слова хорошо знакомы ему самому, как и многим писателям. Тем сильнее его изумляют и восхищают необъяснимые удачи Петера Хандке на минном поле словесного самовыражения. В эссе о «Повторении» («Wiederholung») (Handke 1986) по-академически сдержанный обычно в оценках В. Г. Зебальд недвусмысленно восхищается его удачами: например, «прекраснее, чем где бы то ни было» выраженной словами связи «между тяжестью принудительного труда и легкостью волшебства», столь характерной для художественной литературы (Sebald 1995b: 177). Ведь именно «легкость», по Зебальду, как ни парадоксально, наилучшим образом описывает стиль Хандке, на первый взгляд, увязающий в многословии, тяжеловесный, однако, претерпевающий превращение за счет «поразительной точности и осмотрительности» в выборе слов (Sebald 1995b: 178).

При этом «мало кто из писателей в последние десятилетия демонстрирует принципиальный разлад между культурой как сферой жизни и культурой как индустрией убедительнее, чем Петер Хандке» (Sebald 1995b: 162), — констатировал В. Г. Зебальд еще в 1990 г., и ситуация с тех пор изменилась мало. Сложности «взаимонепонимания» между Петером Хандке и «культурной индустрией» он связывает опять-таки со стилем писателя и с тем, как Хандке понимает писательскую миссию. Но такая ситуация, считает Зебальд, сложилась не сразу: в 1970-е гг.

критика принимала произведения Хандке с энтузиазмом, способствуя быстрому включению их в «канон» немецкоязычной литературы, причем именно потому, что «тот специфический способ повествования, который он разработал, подкупал совершенно новой точностью образа и языка» (Sebald 1995c: 162). Критики и литературоведы¹ «были готовы и оказались в состоянии понять», о чем он пишет, а «быстрого знакомства с его текстами было достаточно, чтобы формулировать и высказывать о них прогрессивные и выигрышные суждения, ощущая себя на гребне волны» (Sebald 1995c: 162) на рубеже в 1960-х — 1970-х гг.

Проблемы с рецепцией Хандке критикой В. Г. Зебальд склонен отсчитывать от «Короткого письма к долгому прощанию» (1971) (Handke 1980d), замысел которого «...гораздо сложнее и с трудом облекается в слова», «оставляет гораздо меньше выигрышных ракурсов для критики и литературоведения» (Sebald 1995b: 163), чем его более ранние вещи. Озадачивает к тому же «новый, можно сказать, программный проект — исключительно силой слова сделать зримым некий другой, более прекрасный, мир» (Sebald, 1995b: 163). Намеренно или нет, утверждает Зебальд, Хандке заплатил высокую цену за такую «самонадеянность», а значит, писательство в его личной иерархии ценностей занимает особое место и, далеко выходя за рамки профессии, сливается с образом жизни.

«Повторение» («Wiederholung») (Handke 1986) — не просто травелог о путешествии через границу, в другую страну, но и в значительной мере роман о становлении писателя как о пересечении некой границы — через «порог», разделяющий немоту и речь, пустоту и «написанное пером». Этот текст, обладающий отчетливыми чертами автобиографии, иногда включают в так называемую «трилогию порога» (“trilogy of thresholds”) (Mitchellmore 2011), объединяя с более ранним «Китайцем боли» («Der Chinese des Schmerzes», 1983) и последовавшим вскоре «Вечером писателя» («Nachmittag des Schriftstellers», 1987). Сама структура повествования в «Повторении» наводит на мысль, что речь для рассказчика идет вовсе не о том, чтобы «повторить»

¹ В примечаниях к тексту Зебальд сообщает, что список научной литературы о творчестве Петера Хандке уже к 1982 г. включал более 200 наименований (Sebald, 1995c: 192).

(wiederholen) путь пропавшего брата или свой собственный путь четвертьвековой давности (sich wiederholen). Точное повторение невозможно (что постоянно демонстрируют словесная ткань и сюжетная канва текста Хандке: все повторяется, однако не в точности, а с определенными различиями [Iyer 2006]). Речь (даже семантически) идет скорее о новом начале: wieder — holen (вновь — получить), о том, чтобы начать себя заново (sich wieder holen), считает Л. Айер.

Сорокапятилетний рассказчик вспоминает поездку, которую совершил в 19 лет. С тех пор прошло четверть века, но, кажется, будто это было вчера.

Несмотря на словенское происхождение Филип Кобаль еще ни разу не покидал Австрию, но тогда, вместо того чтобы ехать в Грецию с одноклассниками, решил отправиться в Югославию на поиски пропавшего много лет назад старшего брата. У него собой два письменных источника: тетрадь с заметками, которые брат делал во время учебы в словенском сельскохозяйственном институте, и словенско-немецкий словарь, где им были подчеркнуты многие слова. Приехав в новую страну, рассказчик часто сверяется с заметками брата. Примечательно его восприятие почерка (стиля) брата. Он кажется ему «соответствующим этой стране» почерком «человека, готового начать путешествие» (цит. по: [Iyer 2006]). Да и все его предки славились красивыми почерками, за исключением самого рассказчика: вот у него самого в отличие брата собственного почерка (стиля) нет, и нынешний лишь «копирует брата». Несмотря на то, что он уже начинающий литератор и даже опубликовал один рассказ (наборщику пришлось сперва научить его «нормально писать»). Таким образом, почерк (стиль) и его обретение — один из центральных мотивов названного текста Хандке.

Заметки были написаны братом, когда тот, как и Филип в начале своего путешествия, находился на пороге двадцатилетия. Есть в его тетради и авторское руководство по выращиванию яблонь в собственной оранжерее, обобщающее его собственный опыт, причем наблюдения о прививании и пересаживании молодых деревьев прочитываются Филипом как «роман воспитания» (Iyer 2006). После исчезновения брата никто за оранжереей не ухаживал: сам Филип, стремившийся к писательству, «отвыкал от всякого физического труда», мать болела, отец работал,

и только сестра иногда туда заходила.

Писать по-словенски брат начал только во время учебы. Прежде у него как бы не было языка (мотив «нарушенной коммуникации»): разговаривал он, как почти все вокруг, на смеси словенского и немецкого, и в чужой стране, наконец, обрел «самое необходимое»: язык предков, словенский. Он хотел, чтобы семья последовала за ним. Его письма оттуда, написанные на словенском, показывают, что он был религиозен, как минимум, стихийно: питал глубокое уважение к самым разным вещам, с которыми ему приходилось сталкиваться, может быть даже, поясняет рассказчик, был близок к состоянию, которое принято называть праведностью.

В отличие от брата у рассказчика язык был — он с детства говорил по-немецки. Но писать так, чтобы результаты удовлетворяли его самого, ему по какой-то причине не удавалось. То есть, его собственный коммуникативный предел, — «граница языка» (по Л. Витгенштейну, граница человека есть граница его языка), — хоть и располагалась дальше, чем у брата, тем не менее, несомненно, существовала. Именно к этой «границе языка» (в буквальном и в переносном смысле), рассказчик отправился на пороге двадцатилетия, чтобы в своих поисках, становящихся все менее понятными по мере развертывания повествования, перемещаться по местам, в которых побывал или мог побывать брат. Но более глубокой целью его пути представляется, конечно, нащупывание и преодоление «границы», которая мешала ему писать.

В своем путешествии он старается уже в собственных заметках свидетельствовать обо всех проявлениях действительности, с которыми сталкивается. «Расслоенный во времени» текст «Повторения» представляет, в том числе, эти наблюдения, терзания и находки становящегося писателя. В трех слоях времени (старший брат, 19-летний рассказчик, 45-летний рассказчик) многое вроде бы повторяется, но ничто не повторяется в точности — ни в событийной ткани повествования, ни в языковом выражении. Формируя свою художественную манеру, Зебальд, несомненно, многое перенимал у Хандке (Schmucker 2011), принял такие «неточные» повторения как один из структурных принципов организации собственных художественных текстов.

Но не только. С поисками брата у Хандке В. Г. Зебальд ассоциирует мотив мессианства: подобно тому, как прочитывает его у

Кафки в продвижениях К. к недостижимому Замку (Sebald 1995a). В «Повторении» речь идет в том числе и о поисках славянских — словенских — корней. Словенский народ (в отличие от немцев) представлен не имеющим власти — «без аристократии, без армии, без поместий» (Handke 1986: 201) — и потому неиспорченным.

«Единственным королем они — почти как евреи, — признают героя сказаний, который бродит повсюду переодетым: появится где-нибудь вдруг и исчезнет вновь» (Sebald 1995b: 174).

В мессианской традиции не подразумевается, что «разделенные» встретятся вновь. Напряжение должно сохраняться, «младший идет по следам старшего, ученик следует за учителем, а благочестивое стремление к спасению и высказанная Грегором в одном из фронтовых писем надежда на грядущую совместную поездку в украшенной пасхальной коляске в Девятую землю, переводится в “земное исполнение: Писание”» (Handke 1986: 317). И письменное слово в этой традиции имеет особый статус, писательство выводится за рамки обыденных дел — это ни в коей мере не профанное занятие. «Рассказчик с самого начала отдает себе отчет в сложности стоящей перед ним задачи» (Sebald 1995b: 175), но ему необходим стимул, чтобы преодолеть свою «границу» — «невозможность писать». В тексте Хандке таким стимулом служит болезнь матери, боязнь не успеть, а одной из важных задач писательства в описанном контексте представляется утешение, успокоение, «утоление печали».

Другой чрезвычайно важной для Хандке особенностью писательского труда Зебальд называет «добровольность». На пути к совершенству рассказчик работает по собственной воле, его труд опирается на видение окружающего мира таким как есть, — в противоположность другим видам искусства, предполагающим взгляд на него сквозь некую раму. Получается, бытие Внешнего для пишущего у Хандке важнее, чем Внутреннего, — из чего, по Зебальду, произрастает «беспрецедентная открытость» (Sebald 1995b: 177) его текста.

Место писателя у него — в «центре мира». В «Повторении» оно непосредственно соотнесено с образом убежища из детства Филипа: это отцовская землянка на поле, куда Филип нередко шел сразу после школы и писал там, делая уроки. Для него

именно там «был и остается “центр мира, где в колодезно-узкой ложбине с незапамятных времен сидит рассказчик и откуда ведет свой рассказ” (Handke 1986: 50)» (Sebald 1995b: 178).

В. Г. Зебальд неоднократно отмечает у Хандке «необычайно высокое качество повествования, тайный идеал которого», как ему кажется, «диктуется легкостью» (Sebald 1995b: 176). И не потому, что рассказчик ничем не обременен, просто вместо того, чтобы говорить о гнетущих его вещах, он старается перенаправить внимание на приносящее утешение — ему самому и, возможно, читателю, который тоже в этом нуждается, чтобы «противостоять соблазнам уныния» (Sebald 1995b: 177).

Идеал, на который ориентируется рассказчик Хандке, — это «обходчик путей». Община вменяет ему в обязанность «техническое обслуживание» (Sebald 1995b: 177) имеющихся в ее распоряжении дорог, и (подобно писателю) «он теснится в однокомнатной избе — своего рода сторожке у въезда в замок, которого, в принципе, не существует» (Handke 1986: 49). «Обходчик путей» день за днем, подобно секретарю (вновь аллюзия на Кафку), совершает свою утомительную работу, по необходимости превращаясь в «художника по вывескам», который стоял «на верхней ступеньке лестницы над входом в гостиницу посреди деревни. И когда Филип Кобаль, смотрел на него, наблюдая, как по готовым буквам он медленными, на первый взгляд, мазками кисти накладывает теневые штрихи, несколькими тончайшими линиями придавая объем толстым буквам и проявляя, словно из воздуха, следующий знак — будто тот уже был там давно» (Sebald 1995b: 177), в возникавшей на глазах надписи высвечивались «символы какого-то тайного, не выразимого словами и оттого особенно прекрасного, а главное, не знающего границ мирового царства» (Handke 1986: 50).

4. Выводы

В этом образе, считает Зебальд, «необходимая связь» между «тяжестью принудительного труда и легкостью волшебства», характерная для «высокой литературы», «получила самое прекрасное в немецкоязычной словесности выражение» (Sebald 1995b: 177), и благодарить за это следует Петера Хандке, показавшего некоторым современным читателям «какой может быть современная литература» (Mitchelmore, 2011).

Список литературы / References

- Хандке П. Повести. М.: Прогресс, 1980. [Handke, Peter. (1980) *Povesti* (The Novels). Moscow: Progress. (In Russian)]
- Catling, Jo, & Hibbitt, Richard. (eds) (2011) *Saturn's Moon: W. G. Sebald — A Handbook*. Leeds: Legenda.
- Gladić, Mladen. (2019) Handke reiste mit Luhmann im Gepäck. *Der Freitag*, 44, 16. Retrieved from <https://www.freitag.de/autoren/mladen-gladic/im-offenen>
- Iyer, Lars. (2006) *The Ninth Country: Peter Handke's Repetition*. Retrieved from http://www.readysteadybook.com/Article_page_exphandke.html
- Hammelehle, Sebastian, & Markwaldt, Nadine. (2019, October 19) Wie ein falsches Handke-Zitat um die Welt ging. *Spiegel*, 43, 116.
- Handke, Peter. (1986) *Die Wiederholung*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
- Handke, Peter. (1996a) *Eine Reise zu den Flüssen Donau, Save, Morawe und Drina oder Gerechtigkeit zu Serbien*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
- Handke, Peter. (1996b) *Sommerlicher Nachtrag zu einer winterlichen Reise*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
- Klaube, J. (2019) *Handke*. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 243, 1.
- Mann gegen Mann. (2019, October 19) *Spiegel*, 43, 114–115; 117–118.
- Mitchellmore, Stephen. (2011, May 25) *Three steps not beyond: Peter Handke's trilogy of thresholds*. Retrieved from http://this-space.blogspot.com/2011/05/three-steps-not-beyond-peter-handkes_25.html
- Schmucker, Peter. (2011) *Grenzübertretungen. Intertextualität im Werk von W. G. Sebald*. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie. Bochum: Ruhr-Universität.
- Sebald, Winfried Georg. (1994a) Helle Bilder und dunkle — Zur Dialektik der Eschatologie bei Stifter und Handke. In Sebald, Winfried Georg. *Die Beschreibung des Unglücks: Zur österreichischen Literatur. Von Stifter bis Handke*. Frankfurt a. M.: Fischer, 165—186.
- Sebald, Winfried Georg. (1994b) Unterm Spiegel des Wassers — Peter Handkes Erzählung von der Angst der Tormann. In Sebald, Winfried Georg. *Die Beschreibung des Unglücks: Zur österreichischen Literatur. Von Stifter bis Handke*. Frankfurt a. M.: Fischer, 115—130.
- Sebald, Winfried Georg. (1995a) Das Gesetz der Schande — Macht, Messianismus und Exil in Kafkas Schloss. In Sebald, Winfried Georg. *Unheimliche Heimat: Essays zur österreichischen Literatur*. Frankfurt a. M.: Fischer, 87—103.
- Sebald, Winfried Georg. (1995b) Jenseits der Grenze — Peter Handkes Erzählung Die Wiederholung. In Sebald, Winfried Georg. *Unheimliche Heimat: Essays zur österreichischen Literatur*. Frankfurt a. M.: Fischer, 162—178.

Yelizaveta V. Sokolova
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

**Reflected by Two Different Discourses:
Mass Media and “High Literature” about Peter Handke**

This article investigates the main ways of reacting in German mass media at awarding of Austrian writer Peter Handke (b. 1942) with the Nobel Prize in Literature (in October 2019). It recognizes, how some journalists and critics construct the “image of the Writer” (without even realizing it) in their publications basing on conventional contexts, well-known material and widespread citations, forcing thereby their readership share the “righteous anger”. After the described strategy had instantly got to emotional peak, because of Sascha Stanischich’s “gratifying” speech during the Book fair in Frankfurt the leading trend in publications of trustworthy German editions has notably changed, showing since then more analytical, competent and estranged approaches. The essays of German writer and academic researcher in Germanic philology W. G. Sebald (1994-2001) demonstrate really the “opposite” approach of perception and representation of Peter Handke’s figure and work. The three main Sebald’s texts on Handke study are “The Goalie’s Anxiety at the Penalty Kick” (1970) (Sebald 1994b), “Slow Homecoming” (1979) (Sebald 1994a) and “Repetition” (1986) (Sebald 1995b). In the center of Handke’s “Literary Universe” Sebald sees the phenomenon of “invalid communication” (“verhinderte Kommunikation” [Sebald 1994b: 117]), which, being one of Handke’s most important topic, determines his writing style as well and (as the first part of this article shows) affects his reality.

Key words: Modern German literature; modern Austrian literature; “invalid communication”; linguistic skepticism; the Nobel Prize in Literature; Peter Handke; W. G. Sebald